

Дмитриченко Анна Викторовна

студент магистратуры
Московский университет им. С.Ю. Витте
Москва, Россия

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ ¹****Аннотация**

Статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих при применении института несостоятельности к хозяйственным обществам в современном российском праве. Рассматриваются особенности правового статуса участников банкротных процедур, исследуются вопросы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, анализируются дискуссионные аспекты защиты прав кредиторов и должников. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования механизмов правового регулирования с учётом баланса интересов всех сторон.

Ключевые слова: несостоятельность, арбитражный управляющий, субсидиарная ответственность

В условиях продолжающейся турбулентности экономических отношений институт несостоятельности приобретает значение центрального инструмента, регулирующего судьбу неплатежеспособных участников рыночного оборота. Российское законодательство о банкротстве прошло несколько витков реформирования, однако вопросы его применения к хозяйственным обществам по-прежнему вызывают активные дискуссии в доктрине и правоприменительной практике. Согласно положениям Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», под банкротством понимается признанная судом неспособность должника в полном объёме удовлетворить требования кредиторов [10]. Между тем формальная определённость нормы не снимает множества прикладных вопросов, возникающих при возбуждении дела о банкротстве в отношении общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества.

Хорошо известно, что хозяйственные общества составляют доминирующую долю среди корпоративных форм российского предпринимательства. ООО и АО регулируются специальными федеральными законами, которые устанавливают особенности их правового положения, корпоративного управления, ответственности участников. При попадании организации в орбиту банкротных процедур возникает наложение норм общих и специальных, корпоративных и процессуальных,

¹ Научный руководитель: Аминов Илья Исакович, д-р. юрид. наук., профессор кафедры гражданского права и процесса, Московский университет им. С.Ю. Витте

материальных и процедурных. Подобное наложение нередко порождает коллизии, разрешаемые судами через расширительное толкование либо через обращение к принципам гражданского права.

Стоит сказать прямо. Качество законодательства о банкротстве сегодня не соответствует сложности тех экономических отношений, которые оно призвано опосредовать. Это не теоретическое суждение, а вывод, подтверждаемый статистикой судебной практики.

Теоретическую разработку категории несостоятельности юридического лица невозможно вести в отрыве от её исторических корней и доктринальных предпосылок. А.С. Кацера справедливо замечает, что современное понимание банкротства в российском праве сложилось под влиянием как дореволюционной традиции, так и зарубежных моделей регулирования [16]. Дискуссионным остаётся вопрос о соотношении понятий «несостоятельность» и «банкротство», которые законодатель использует в качестве синонимов, тогда как ряд исследователей настаивают на их разграничении по содержательному критерию. Отсутствие единого терминологического подхода создаёт нежелательную многозначность при толковании норм. Особенно остро это проявляется в спорах о квалификации поведения руководителя должника.

Перейдём к фигуре арбитражного управляющего. Именно его правовое положение становится одним из самых уязвимых мест действующей системы. Е.П. Ехлаков подчёркивает, что управляющий находится под перекрёстным давлением должника, кредиторов, саморегулируемой организации и арбитражного суда, что объективно создаёт почву для конфликта интересов [14]. Двойственная природа полномочий, сочетающая публично-правовые и частноправовые элементы, осложняет квалификацию его действий с позиций ответственности.

Отдельного анализа заслуживает проблема имущественной ответственности управляющего. Он отвечает перед всеми лицами, чьи интересы могли пострадать от его действий, что в условиях масштабных процедур и значительных активов превращает его деятельность в высокорискованную. Институт страхования профессиональной ответственности компенсирует риски лишь частично. А.В. Самигулина обращает внимание на то, что недостаточная определённость критериев добросовестности и разумности при оценке поведения управляющего приводит к непредсказуемости судебных решений [18].

Несколько замечаний о специфике банкротства ООО. Д.В. Галка и М.Б. Смоленский указывают, что эта организационно-правовая форма обладает рядом особенностей, существенно влияющих на ход процедуры [13]. Прежде всего, речь идёт о замкнутом характере участия и о возможностях вывода активов через сделки с заинтересованностью. Распространённой практикой стало создание ООО с минимальным уставным капиталом, что само по себе превращает требование кредиторов в фактически необеспеченное обязательство. Корпоративная вуаль, которую призван защищать институт самостоятельной правосубъектности юридического лица, всё чаще пробивается через механизм субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Иначе обстоит дело с акционерными обществами. Закон об АО [6] устанавливает более жёсткие требования к корпоративному управлению, раскрытию информации, защите миноритарных акционеров. Однако и здесь обнаруживаются лакуны, связанные с моментом наступления признаков объективного банкротства, с привлечением контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, с оспариванием подозрительных сделок. Практика последних лет демонстрирует рост числа дел, в которых субсидиарная ответственность предъявляется не только к директорам, но и к фактическим бенефициарам, скрытым за номинальными участниками.

Любопытно наблюдать, как меняется акцент.

Если ещё десятилетие назад банкротство воспринималось преимущественно как процедура ликвидации, то сегодня законодатель и правоприменитель отдают предпочтение реабилитационным механизмам. Е.В. Карпова, Н.А. Рубанова и Ю.В. Черемисина прослеживают эту тенденцию через анализ изменений последних лет, указывая на постепенное усиление защитных функций процедуры [15]. Финансовое оздоровление и внешнее управление формально остаются в арсенале закона, но их практическое применение остаётся скромным. Большинство дел по-прежнему завершаются конкурсным производством.

Среди прочих болевых точек выделяется защита прав кредиторов. А.В. Самигулина пишет, что современное правовое регулирование пытается удержать баланс между интересами должника и его контрагентов, однако эта задача решается с переменным успехом [17]. Очередность удовлетворения требований, статус залоговых кредиторов, особенности учёта требований аффилированных лиц – все эти институты подвергаются постоянной корректировке. Институт субординации

требований аффилированных кредиторов, ставший устойчивой судебной практикой, во многом восполняет пробелы законодательства.

Вместе с тем обнаруживается обратная сторона. Чрезмерная активность судов по субординации требований нередко приводит к ущемлению добросовестных контрагентов, оказавшихся аффилированными в силу формальных признаков. Жёсткое деление на «своих» и «чужих» кредиторов искажает экономическую логику отношений.

Существенную проблему составляет соотношение норм Гражданского кодекса РФ [1] и специального банкротного законодательства. Статья 65 ГК РФ закрепляет общие основания признания юридического лица несостоятельным, тогда как детализация осуществляется в Федеральном законе № 127-ФЗ [10]. Возникающие коллизии разрешаются по принципу приоритета специальной нормы, однако судебная практика порой выявляет случаи, когда такой подход приводит к несправедливым результатам. К договорным отношениям должника применяются также положения второй части ГК РФ, что добавляет ещё один слой регулирования.

Вопрос об оценочной деятельности в банкротных делах требует отдельного внимания. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [8] определяет статус оценщика и порядок проведения оценки имущества должника. На практике именно оценка нередко становится точкой напряжения, поскольку от её результатов зависит эффективность торгов, объём удовлетворения требований и распределение активов между кредиторами. Споры о достоверности оценки превращаются в самостоятельную линию судебных разбирательств.

При возбуждении дела о банкротстве не теряют значения регистрационные процедуры. Положения Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ [9] тесно переплетаются с банкротными нормами. Сведения о начале процедуры подлежат внесению в ЕГРЮЛ, что имеет последствия для имущественного оборота должника. Несвоевременное обновление реестра порождает риски для добросовестных контрагентов.

Уголовно-правовой аспект банкротства тоже нельзя обойти стороной. Статьи 195–197 Уголовного кодекса РФ [3] предусматривают ответственность за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство. Применение этих норм осложняется доказыванием умысла и причинно-следственной

связи между действиями руководителя и наступившей несостоятельностью. По данным судебной статистики, доля приговоров по указанным составам остаётся незначительной.

Отдельного рассмотрения требует налоговая составляющая банкротных процедур. Положения Налогового кодекса РФ [4] устанавливают порядок учёта обязательных платежей в реестре требований, статус ФНС России в качестве уполномоченного органа, особенности взыскания недоимок. Конфликт между фискальными интересами государства и правами иных кредиторов проявляется наиболее остро именно в банкротных делах.

С процессуальной стороны рассмотрение дел о несостоятельности подчинено правилам Арбитражного процессуального кодекса РФ [5] с учётом специальных норм закона о банкротстве. Порядок созыва собраний кредиторов, обжалования действий управляющего, оспаривания сделок должника – совокупность этих процедур формирует сложный процессуальный механизм. Затягивание процедур, ставшее почти системной проблемой, существенно снижает их эффективность.

Эффективность банкротного процесса измеряется не одной формальной законностью. От него ожидают реальной способности восстановить экономические потери. По этому критерию российская модель пока проигрывает зарубежным аналогам, и низкий процент удовлетворения требований кредиторов в конкурсных производствах остаётся хронической проблемой.

Особое внимание правоведов привлекает институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Введённые ещё Федеральным законом от 30.12.2008 № 296-ФЗ [12] изменения положили начало активной реформе данного механизма. Сегодня судебная практика распространяет ответственность на широкий круг лиц, фактически определявших действия должника. Расширительный подход судов вызывает критику в части предсказуемости и пропорциональности последствий.

При исполнении судебных актов по банкротным делам применяются нормы Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [11], хотя сама процедура банкротства в значительной мере вытесняет общий исполнительский порядок. Возникающие пересечения между исполнительным производством и конкурсной процедурой нередко становятся источником споров о приоритете удовлетворения требований.

Подводя итог обсуждению, можно говорить о нескольких ключевых направлениях, нуждающихся в законодательной корректировке. К ним относятся уточнение статуса арбитражного управляющего, совершенствование механизмов защиты добросовестных кредиторов, развитие реабилитационных процедур, систематизация подходов к субсидиарной ответственности, повышение прозрачности оценочных процедур. Российское банкротное право находится в стадии непрерывного движения, и от качества этого движения зависит инвестиционный климат и устойчивость экономики в целом.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 16.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

6. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 26.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

7. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

8. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3813.

9. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33. Ст. 3431.

10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

11. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 01.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

12. Федеральный закон от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 4.

13. Галка Д.В., Смоленский М.Б. Правовые проблемы и особенности процедуры банкротства общества с ограниченной ответственностью // Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности: Материалы VIII Всероссийской национальной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 06 июня 2024 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2024. С. 155–159. EDN: KVWHCA

14. Ехлаков Е.П. Проблемы и перспективы правового регулирования деятельности арбитражного управляющего в рамках осуществления процедур банкротства // Право и политика. 2022. № 5. С. 41. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.5.38162 EDN: ECKPRQ

15. Карпова Е.В., Рубанова Н.А., Черемисина Ю.В. Совершенствование процедуры несостоятельности (банкротства): изменения в законодательстве и их экономико-правовое обоснование // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сборник статей 14-й Международной научно-практической конференции, Курск, 24 октября 2024 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 349–353. EDN: DJUBIS

16. Кацера А.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): общие положения // Современные тенденции развития управления и производства в условиях цифровизации: Материалы V Международной научно-практической студенческой конференции, Москва, 28–29 октября 2025 года. Москва: Частное

образовательное учреждение высшего образования «Академия управления и производства», 2025. С. 371–374. EDN: WJDGFE

17. Самигулина А.В. Защита прав и законных интересов кредиторов и должников при несостоятельности коммерческих организаций в Российской Федерации // Вестник арбитражной практики. 2024. № 2(111). С. 44–49. EDN: KZDXLP

18. Самигулина А.В. Проблемы правового регулирования статуса субъектов, участвующих в процедурах несостоятельности (банкротства) юридических лиц // Вестник арбитражной практики. 2023. № 1(104). С. 62–67. EDN: JQAKMW